

Анатолий Демин

**Истории
каменного века**

Анатолий Демин

Истории каменного века

«ИТРК»

2017

УДК 82-32
ББК 84-44

Демин А. П.

Истории каменного века / А. П. Демин — «ИТРК», 2017

ISBN 978-5-88010-434-5

Иногда мы задумываемся о том, как и при каких обстоятельствах, были совершены важные изобретения древности. Такими вопросами занимаются разве что учёные, но они не пишут об этом также увлекательно и доступно, как это делает Анатолий Дёмин – автор книги «Истории каменного века». На ее страницах автор в оригинальной манере рассказывает о том, как люди научились делать пресное тесто, обжигать глиняную посуду, придумали первую лопату и многое-многое другое. Книга понравится не только юным читателям, но и взрослым, ведь так интересно узнавать, как появились те или иные предметы из тех, что сегодня окружают нас.

УДК 82-32
ББК 84-44

ISBN 978-5-88010-434-5

© Демин А. П., 2017
© ИТРК, 2017

Содержание

Авторское предисловие	6
История первая – о том, как и почему на первобытных людях появилась первая одежда	7
История вторая – о том, как у человечества впервые появилось пресное тесто	9
История третья – о том, как появился хлеб	11
История четвертая – о том, как был открыт способ добычи огня	12
История пятая – о том, как человек нашел способ изготовления сыромятной кожи (сыромяти)	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анатолий Павлович Дёмин

Истории каменного века

© Дёмин А.П., 2017

© Прокофьев Н.В., иллюстрации, 2017

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2017

Авторское предисловие

Уважаемый читатель, автора предлагаемых для прочтения историй однажды посетила мысль о том, что современный человек пользуется массой разнообразных предметов, которые были изобретены ещё на заре человеческой цивилизации. Но вот, как конкретно они были изобретены, как шло движение мысли, какие обстоятельства и мотивы способствовали рождению первичных замыслов и дальнейшему их воплощению усилиями древних изобретателей? Такие же вопросы возникают по открытию древним человеком новых свойств природных сущностей: воды, огня и других. Исторические науки ответы на подобные вопросы не ищут. У автора же, всё это вызывает чрезвычайный интерес. Следствием последнего, с учётом подозрения, что в своём умонастроении автор не одинок, явилось желание написать в художественно-литературной форме несколько историй с попыткой реконструировать со всеми необходимыми подробностями то, КАК происходили древнейшие изобретения. В итоге получились двенадцать историй. Это истории о том:

- как и почему на первобытных людях появилась первая одежда;*
- как у человечества впервые появилось пресное тесто;*
- как появился хлеб;*
- как был открыт способ добычи огня;*
- как человек нашел способ изготовления сыромятной кожи (сыромяти);*
- как была придумана и сделана первая лодка долблёнка-однодерёвка;*
- почему и как было изобретено весло;*
- каким образом появилось ремесло плетения;*
- как была изобретена лопата;*
- как возникло ремесло прядения шерстяной нити;*
- как начиналось гончарное дело;*
- как человек открыл для себя свойство воды находиться в состоянии кипения, и кипячения, как способа приготовления варёной еды.*

История первая – о том, как и почему на первобытных людях появилась первая одежда

Осень... С раннего утра, когда солнце только-только стало пронзать своими лучами кроны самых высоких деревьев, росших по краю леса, подступившего вплотную к извилистой речке, подул западный ветер. И вскоре, весь небосвод затянуло серыми лохматыми облаками, пошел мелкий холодный дождь.

В пещере в этот час, лишь немногим теплее, но, все-таки, это была удобная большая пещера, которой Ур, а именно так звали вожака человеческой стаи, очень дорожил.

Ур сидел у выхода из пещеры и, почесывая густо заросшую черной шерстью грудь, смотрел на речку, протекавшую почти у самого подножия пещеры, на лес, на дождь и думал о предстоящей нелегкой охоте. Нелегкой не из-за осени, не оттого, что земля от дождей стала слишком мягкой и скользкой, бегать по которой загонщикам трудно, а потому, что из взрослых охотников остались только Уф, Хар и Хо. «Да, конечно, Хо хороший, смелый охотник», – думал Ур, – «но после той встречи с саблезубым тигром стал сильно прихрамывать на правую ногу...»

Неторопливое течение мыслей вожака стаи прервалось, когда за его спиной послышались возня и визг. Ур повернулся и, хотя в пещере было сумрачно, разглядел двух молодых самок – Ма и Лу, не переносивших друг друга и готовых драться из-за любого пустяка. Вот и сейчас они что-то там не поделили и как всегда их разняли и успокоили Уф и Хар.

Драка вожака вовсе не разозлила. Он очень берег молодых самок, а Лу была ему особенно дорога потому, что именно этой Лу первой пришла в голову мысль надеть на себя звериную шкуру. С того случая прошло совсем немного времени, но уже все в стае Ура носят на себе шкуры, однако первой была Лу, а произошло это так.

Самки Ма и Лу в очередной раз поцапались, не поделив шкуру молодого белого барана, на которой так любила полежать Лу, а ее соперница никак не хотела уступать. Всякий раз, когда Лу куда-нибудь отлучалась, Ма тут же усаживалась на эту шкуру и не отдавала её Лу, пока дело ни доходило до потасовки. Вообще-то в пещере всегда во множестве валялось разных шкур и в стае давно уже стали укладывать их на полу пещеры – в той её части, где обычно, устраивались на отдых и ночлег. Но все дело в том, что шкура молодого белого барана нравилась Лу больше всего, ведь мех на этой шкуре был густой, пушистый и очень теплый. Вот, именно поэтому, после очередной схватки с Ма и решила Лу не расставаться со своей любимой шкурой никогда.

На следующее утро, когда Лу должна была помогать загонщикам на охоте, она взяла шкуру с собой и бегала с ней до полудня, перекладывая из одной руки в другую, пока, наконец, не удалось загнать в ловчую яму крупного пятнистого оленя. Теперь предстояло оленя умертвить. Для этого требовалось собрать и поднести к краю ловчей ямы достаточное количество метательных камней, за которыми должны были отправиться Лу и ещё двое молодых охотников. Все остальные, во главе с вожаком, оставались охранять добычу от не прошенных гостей: хищников или чужаков из других человеческих стай.

Подходящие камни можно было найти у черной скалы, похожей на пещерного медведя. Камней у скалы лежало множество, но далеко не все из них годились для метания. Метательный камень должен быть не большим и не очень маленьким, не слишком гладким, но похожим на яйцо. Хороший метательный камень удобно держать в ладони и при умелом броске, такой камень мог нанести серьезную рану крупному зверю или чужаку. Мелкого же зверька или птицу случалось умертвить одним броском, если охотнику удавалось попасть камнем в голову.

Лу не хуже других охотников знала, какие нужны камни, но вот что она не могла сейчас делать, так это носить камни к ловчей яме также ловко, как получалось у её двух напарников,

переносивших сразу по несколько камней, прижимая их двумя руками к животу, в то время как ей с трудом удавалось удерживать при ходьбе не больше двух камней, используя только одну свободную руку, ведь второй рукой она по-прежнему держала свою любимую белую шкуру.

От скалы похожей на пещерного медведя до ловчей ямы было довольно далеко. Заготовка метательных камней затягивалась, и Лу знала, что это вызовет гнев вожака. «Как быть? Как, – думала Лу, – освободить руку и не бросить шкуру? Вот если бы её как-нибудь закрепить на теле...»

Лу пробовала укладывать шкуру на плечи, на спину, даже на голову, но всякий раз, при первых же шагах, шкура сползала и падала на землю. В очередной своей попытке, Лу обернула шкуру вокруг живота так, что пара ножек – передняя и задняя, сошлись вместе сбоку от пупка. Лу внимательно посмотрела на перехлестнувшиеся ножки, потом взялась за них, потянула, сделала ещё несколько движений, и в её пальцах получилось то, что потом стали называть узлом. Обе руки оказались свободны, а драгоценная шкура молодого белого барана больше не спадала на землю, удобно облекая тело Лу.

Так появилась (или могла появиться) набедренная повязка – первая одежда человечества.

История вторая – о том, как у человечества впервые появилось пресное тесто

Старая Цапля уже давно не вставала. Она лежала на медвежьей, уже изрядно потёртой, шкуре в глубине пещеры. Нет, Цапля не была больна, нет, просто у неё не было сил подняться, а силы не могли не иссякнуть, ведь она не ела уже много-много дней. Конечно, всем её сродникам сейчас, зимой было тоже голодно и если бы не зерно пшеницы и ячменя, которое удалось по осени найти и заготовить впрок, всему роду тогда бы не выжить!

Зерно – еда неплохая. Надо только хорошенько его разжевывать. Только для беззубой Цапли – это было невозможно и она, смирившись со своей участью, спокойно ожидала, когда тот, кто невидим, тот, кто сотворил небо, землю и всё живое, тот, кого называют, глядя на небо, «Он», остановит её дыхание. Но, почему-то, Он медлил с этим. Быть может потому, что старую Цаплю было кому-то жаль?

Да, пожалуй, так оно и есть! Дочь её дочери – Белка, часто подходила к ней, садилась рядышком и молча смотре-ла глазами, полными слез. Вот и снова Белка подседа к Цапле. Но что это – глаза на этот раз светлы и радостны. «Цапля, – сказала она, – я знаю, как тебе помочь и не дам тебе умереть! Я буду для тебя жевать зерно, и ты переживешь эту зиму».

И Белка тут же засыпала себе в рот пригоршню зерна, и стала его жевать. Она жевала его долго, пока зерно ни превратилось в нежный и сочный мякиш, который Белка выплюнула в ладонь Цапле и сказала: «Ешь!». Цапля слизнула мякиш с ладони, еще немного пожевала его деснами и проглотила. Точно также Цапля съела ещё один мякиш, затем ещё, пока не почувствовала резь в животе. Она знала, что так бывает всегда после длительных голодовок, поэтому не испугалась этой боли, а лишь отвернула в сторону голову, слегка пожав руку Белке в знак благодарности.

Так Белка стала подкармливать мать своей матери нажеванными мякишами и уже через некоторое время силы к умирающей Цапле стали возвращаться. Однажды Белка заметила, что Цапля очень внимательно смотрит ей в рот, когда она разжевывала зерно. Белке стало любопытно, и она спросила: «Почему ты так пристально смотришь, как я жую?» «Я, кажется, придумала, как можно помочь всем беззубым, и ты, Белка, поможешь мне в этом!» – ответила Цапля. «Слушай меня внимательно, – продолжала она, – сделай то, что я скажу. Пойди-ка к речке, к Быстрице. Ты же ведаешь, она ведь во всю зиму не замерзает, и сыщи там камень – их там много, а камень такой: немалый, да чтоб был с одной стороны ровный, а с противной, чтоб был с ямкой, да принеси его сюда в пещеру, а коли тяжел окажется, позови кого-нибудь в помощь. Ступай!»

Белка была удивлена поручением Цапли, однако, всё сделала, как та говорила и вскоре принесла вместе со своим братом подходящий камень, осмотрев который старая Цапля сказала: «Хорошо! Вот этот камень будет как бы нижний зуб, и будем мы его называть «ступою». Да! А теперь поищите-ка мне другой камушек – такой, чтоб похож был на гриб-боровик: не дуже большой и чтоб ловко было б его перстами обхватывать».

На этот раз долго пришлось ждать Цапле, но принесла всё-таки Белка нужный камушек. «Умница ты моя, – радостно воскликнула старая Цапля, – этот вот камушек будет у нас как бы верхний зуб, и будет имя ему «пест». А теперь, Белка, насыпь-ка зерна в ямку ступы, да разжуй-разомни пестом-то». Тут Белке стало всё понятно, она улыбнулась и принялась за дело и, к её удивлению, зерно удалось разжевать-размять очень быстро. «Готово, что теперь?» – спросила она Цаплю. «Теперь, – отвечает та, – принеси-ка водицы, плесни в размятое зерно, да помни его ещё малость». Белка принесла воды в раковинке, сделала всё, как говорила Цапля и

увидела, что в ступе появился такой же мякиш, которыми она выкормила мать своей матери, но только этот мякиш оказался гораздо больше.

Вот так, у человека каменного века могло появиться то, что позже стали называть пресным тестом, которое люди в течение длительного периода употребляли в сыром виде.

История третья – о том, как появился хлеб

Род Большерукого был на охоте. Сегодня на охоту пришлось идти почти всем взрослым. В родовой пещере остались лишь дети, жены-стряпухи, да престарелые сродники, которые должны были поддерживать огонь в очаге, искать в ближайшей округе съедобные плоды: грибы, ягоды, и самое главное, надо было разыскивать по лесным опушкам, да луговинам созревающие уже пшеницу, овёс, другие съедобные злаки. Срывать и вышелушивать колосья, провеивать вышелушенное зерно, собирать его в кожаные мешки и относить в пещеру. Из зерна, с давних пор, изготавливали тесто, столь необходимое во все времена года, но особенно зимой, для выживания.

Стряпуха Зорица, лучше всех жен в роду умеющая готовить пищу, уже успела натолочь в каменной ступе изрядное количество зерна, сложить его в вырезанную из липового полена бадью, заливая растолченное зерно чистой родниковой водой и замесить тесто. Затем, Зорица вывалила тесто из бадьи на большой плоский камень, на котором его было удобно разрезать каменным ножом на отдельные, разного размера куски. Самый большой кусок для Большерукого, куски побольше – для мужей, поменьше – для жен и детей.

На еду сродники собирались вокруг очага. О, это время было для всех, пожалуй, самым желанным.

А сейчас настал момент, чтобы описать устройство очага. В самой широкой части пещеры горел костер, пламя которого не угасало уже на протяжении нескольких поколений сродников и было главной заботой всех от мала до велика. Поскольку люди ещё не умели добывать огонь, и если бы он однажды погас, весь род мог бы погибнуть. Дым от костра поднимался под свод пещеры и, облизывая его, выходил через зев¹ наружу. Вокруг костра была сделана невысокая и довольно широкая оградка-барьер из камней, уложенных друг на друга так, чтобы было удобно выкладывать разносимую стряпухами еду наверх оградки перед едоками.

Вот и сегодня, вернувшись, во главе с Большеруким с охоты сродники, отдав стряпухам добычу – пару косуль и молодого кабанчика, не стали дожидаться, пока те приготовят мясо, а сразу же расселись на полу вокруг очага. Стряпухи же, не мешкая, стали разносить и раскладывать приготовленную пищу: найденные в близлежащих лугах и запеченные на углях морковь, сельдерей, головки репчатого лука, молодые листья щавеля, а ещё орехи, мёд в сотах и куски пресного теста. Охотники жадно накинулись на всю эту снедь, набивая свои голодные желудки и вскоре, сморённые усталостью, теплом очага и пищей, повалились навзничь и уснули, не доев до конца свою еду, остатки которой так и лежали на оградке-барьере.

Тут Зорица почувствовала незнакомый, но удивительно приятный запах, который шёл от очага. Она подошла ближе, принялась и поняла, что запах источает маленький кусочек теста, упавший с оградки на дно очага. Зорице захотелось поднести этот кусочек к самому носу, чтобы надышаться ни с чем несравнимым и таким притягательным запахом. Она наклонилась над оградкой, дотянулась рукой до манящего кусочка и, ойкнув, резко отвела руку назад: желанный кусочек теста был горячий. Тогда она, на этот раз осторожно, взяла его двумя пальцами и, поднося к носу, успела заметить, что тесто стало другим: на той его стороне, которой оно лежало на дне очага, появилась красивая корочка, тесто не прилипло к пальцам. Запах же был такой, что у неё слегка закружилась голова и Зорица безбоязненно отправила этот кусочек себе в рот. «Как вкусно, – подумала она, – и как просто: надо всего лишь положить тесто на горячие камни!»

Возможно, так у людей появилась главная пища – печёное тесто, то есть хлеб.

¹ Зевом в эпоху каменного века называлось достаточно большое отверстие в пещере, через которое можно было легко входить в пещеру и выходить из неё в отличие от лаза, через который возможно было только пролезть.

История четвертая – о том, как был открыт способ добычи огня

Перед началом повествования об этом надо пояснить, что к моменту, когда человек открыл способ добывания огня, он уже очень и очень давно служил людям в негасимых очагах, пламя которых поддерживалось на протяжении многих поколений. Свойства огня были известны. Люди хорошо знали, какие беды и какие блага может дать огонь. Регулярно человек наблюдал возникающие пожары и даже становился жертвой огненной стихии. Огню поклонялись и обожествляли его. На потухших пожарищах иногда людей привлекал удивительно манящий запах, на который они шли и обнаруживали поджаренные туши погибших животных. Так, первобытные люди познали вкус мяса, соприкоснувшегося с огнем. Прошло немало времени, прежде чем человек понял, что огонь очень любит сухие ветки и траву и что если, еле живущий в тлеющих угольках огонь подкормить сухой травой, он снова оживает и набирает силу. Наконец, произошел случай, когда впервые кто-то занёс в пещеру догорающую ветку и подкормил умирающий уже огонь. Так появились те самые негасимые очаги. Ну а теперь приступим к повествованию четвертой истории.

Всем в округе было известно, самый сильный род – это род Вепря. Никто не осмеливался покуситься на охотничьи угодья Вепря, никто не смел, пересечь границы земель рода. Все знали, что лучшие топоры, самые острые ножи и наконечники копий у воинов Вепря. Старейшина же рода – Вепрь, когда-то могучий, не знавший страха охотник-воин, а ныне седовласый, давно потерявший левый глаз, но всё ещё властный и мудрый вождь отдавал себе отчет в том, что сила рода кроется в его умелых оружейниках, главным из которых был его родной младший брат Толлок.

...Толлок никак не мог уснуть. Его заботила мысль о том, что все сложнее стало находить подходящие для изготовления оружия камни в тех местах, где до сих пор их искали оружейники. «Хочешь не хочешь, – подумал Толлок, – а придется с рассветом пойти, приискать новое место». И вот, чуть только утренняя заря окрасила край неба, Толлок уже был на ногах. Прихватив с собой внушительный кусок вяленого мяса из тех, что были нанизаны на олени рога, брат вождя, опираясь правой рукой на копьё – постоянный спутник охотника и воина, отправился по одному ему известному пути. Он шел долго, он глядел во все глаза, он принюхивался к переменчивым запахам, приносимым дуновениями ветра, он слушал собственное сердце, прежде, чем изменить направление движения. Наконец, Толлок увидел то, что так хотел найти: каменные пласты, прорезав землю и, навалившись друг на друга, образовали многоцветное обширное нагромождение, вокруг подножия которого, лежала россыпь самых разнообразных камней.

«Ну что же, – произнёс вслух оружейник, – дотемна вернуться уже не успеть, сделать же пару топоров до сумерек должно быть ещё поспею, а подходящее местечко для ночлега сыскать здесь будет нетрудно». Сказав это, Толлок почувствовал голодный приступ и с удовольствием вспомнил о куске мяса, часть которого осталась не съеденной. Он поглядел вокруг и неподалёку увидел небольшой холм, покрытый густым, начинающим засыхать мшаником, с половиной склонов поросших высоким кустарником. Взойдя на холм, оружейник удобно уселся, скрестив ноги и приступил к своей трапезе. Снял заплечный кожаный мешок, достал из него бурдючок с водой и остаток вяленого мяса, вытащил из привязанных к поясу ножен свой любимый нож и, отрезая тонкие мясные ломтики, стал отправлять их в рот, неспешно, наслаждаясь вкусом, разжевывая, запивая водой из бурдючка. Утолив голод, оружейник решил, не мешкая, приступить к делу. Он успел заметить, что среди множества камней, были как ему известные, так и совершенно незнакомые.

Все оружейники знали: для изготовления хорошего каменного оружия нужны разные камни. Одни камни, которые в руках оружейника превращаются в топоры, ножи, наконечники копий, должны быть достаточно твердыми, но при ударе по ним, должны скалываться кусочки, образуя острую и прочную кромку. Такие камни назывались «первецами». Другие камни, которыми оружейник бьет по камню-первецу, должны быть очень прочными, твердыми и не раскалываться при ударе по первецу. Такие камни назывались «билами».

Толок стоял перед каменной россыпью, теребил давно уже отросшую бороду, а это он делал всегда, когда надо было подумать, и привычно рассуждал вслух: «Эти камни я знаю, из них получаются неплохие ножи, а из таких вот, обычно делают топоры. А почему бы не опробовать новые камушки». С этими словами оружейник нагнулся, поднял два камня, которые, как ему казалось, могли стать билом и первецом, и вернулся туда, где ел своё мясо, решив, что заняться делом там тоже будет удобно.

Поднявшись по склону холма, ближе к вершине, он не стал садиться, а опустился на колени, положил перед собой камни, наклонился, взял левой рукой камень-первец, прижал его к земле, которая была здесь довольно плотной, что оказалось очень кстати. В кисть правой руки хорошо лёг камень-било и, немного помедлив, как бы выцеливая место первого удара, Толок приступил к самому главному – околке первеца. В следующее мгновение произошло то, от чего оружейника охватил ужас. Прямо у него под руками вспыхнул огонь! Брат вождя от испуга выронил било, отпрянул в сторону и замер, смотря немигающими глазами туда, где родилось божество. Вообще-то это был не огонь даже, а совсем крохотный огонёк, который поджег островок сухого мха и вскоре погас. Через некоторое время испуг и оцепенение оружейника прошли и сменились спокойным удивлением. А понимание необходимости закончить начатое заставило его снова приступить к прерванной работе, тем более, что солнце уже было недалеко от своей небесной пещеры. Толок взялся за камни, сделал несколько ударов и...

Сейчас он испугался не так сильно, а лишь вздрогнул, когда сначала увидел вылетающие из-под била искры, а потом, как от этих искр загорелся мох и язычки пламени с жадностью стали поедать сухой травяной островок. Дойдя до его края и натолкнувшись на ещё невысохший, наполненный влагой мох, красно-желтые язычки один за другим исчезли, оставив после себя лишь тлеющие вершинки на веточках мшаника, да небольшое дымное облако.

Наблюдая это чудо рождения короткой жизни и смерти огня, брат старейшины рода, лучший оружейник – Толок понял, что теперь знает, как можно добыть огонь. Он снова взялся за камни, но уже не для того, чтобы продолжить изготовление каменного топора. Отойдя с ними немного в сторону, туда, где был островок сухого мха, он не торопясь, проделал привычные, уверенные движения и вот снова искры, и вот снова маленькое пламя вспыхнуло под его руками. На этот раз Толок решил развести большой костер, потому что уже смеркалось, и надо было подумать о ночлеге. А что могло быть лучше ночлега у костра?! Сначала он стал подбрасывать к огненным язычкам сухой мох, который срывал, сумев дотянуться руками. Потом быстро прошел по склону холма, нарвал и принес к своему костеру целую кучу сухой травы, успев его вовремя подкормить. Брошенная в костерок трава загорелась сильным жарким пламенем, но Толок знал, что нужно делать дальше. Он побежал к кустарнику и вскоре принес оттуда большую охапку хвороста и тут же, положив немалую часть в костер, сразу же снова побежал в заросли кустарника за хворостом, которого следовало заготовить достаточно много. И только после того, как у костра уже лежало несколько больших охапок, он успокоился. Будучи уверенным в том, что костёр будет согревать его всю предстоящую ночь, оружейник прилег около него, и вскоре по телу разлилась приятная истома. Ему представилось, как он вернется в свой род, подойдет к брату и скажет: «Вождь, твой брат Толок знает, как добывать огонь. Толок научит этому тебя и всех людей».

Лучший оружейник рода уснул.

К рассказу, остаётся добавить только одно: камни, с помощью которых Толок добыл огонь, случайно оказались камнями, названными в дальнейшем кремень и кресало.

История пятая – о том, как человек нашел способ изготовления сыромятной кожи (сыромяти)

История эта произошла в те времена, когда люди ещё не освоили приёмы по выделке кож и шкур. Перед пошивом же одежды, шкуры надевали в растяжку на деревянную рогатину и счищали скребками мездру², довольствуясь только этим. Одежду шили или из шкуры с мехом для тепла, или без меха и тогда уж его срезали, называя в этом случае срезью, которая в дальнейшем получила название «шерсть». Понятно, такая одежда была весьма жесткая, поэтому складками и швами натирала кожу человека, принося немалые страдания, пока не придумал он сыромятное дело. И так, вот эта история.

В роду Бурого Медведя все люди были будто по Прародителю своему, как медведи: крупные телом, с руками непомерной силы, степенные, неторопливые в мирных делах и так же, как и медведи, наполнялись лютой яростью в битвах. И мало кому из врагов выходила удача, уйти невредимым от их копейных, а то и просто кулачных ударов.

Среди же всех родовичей, особо приметен был молодой силач-удалец прозваньем Рудый. И звали его Рудым не напрасно! Рудый – значит рыжий. Огненно-рыжим волосом был крыт наш силач от головы до ног. Густые волосы короткими плотными завитками, спускаясь с головы по бычьей шее, вольно расселились на спине, груди и ногах. Усеянное конопутками лицо покрывала рыжая, с красным отливом поросль, оставившая голыми только широкий лоб, подглазья, да лоснящийся вздёрнутый с большими ноздрями нос. А бело-розовая кожа Рудого в гнев обильно наливалась пунцовыми пятнами, налезавшими от тесноты друг на друга.

Вот таков был могучий муж рода Бурого Медведя – Рудый. Ближних сродников у сего рыжего удалца не было уж давно и жил он в своей тёплой, под бревенчатой кровлей землянке³ со своей единственной единоутробной сестрою именем Рыжуха.

Про землянки же вот что интересно. Некоторые из них сходились с медвежьей берлогой. Коли находилось поваленное ветром дерево с вывороченным из земли большим корневищем, то устройство такой землянки проходило так. Поначалу вырубались все корни, которые приходились на середину корневища. Нетронутыми же оставались только те корни, что вроде рёбер, торчали по краям. Далее, поверх корней-рёбер полагалось наложить веток погуще и потом уж ветки укрывались дерниной. Такие землянки считались попроще и похуже. Землянки подобротней делались иначе и для них требовались подходящие углубления в земле. Найти же такие углубления было нетрудно в овражистых местах или по речным высоким берегам. Затем надо было, заготовив в достатке брёвен подходящей длины, уложить их плотно одно к другому над углублением, заполнить зазоры между брёвнами болотным или озёрно-речным илом и дождавшись, пока ил подсохнет, но так, чтоб не пошел трещинами, укрыть бревенчатый настил дерниной.

В землянки стародавние люди не входили – вползали на четвереньках. В них могли разместиться сидя либо лёжа два-четыре взрослых человека с малыми детьми. Землянка укрывала от дождя, в летние знойные дни она давала тень и прохладу, в зимние холода с малым костерком внутри, помогала дожить до весеннего тепла. В землянке почти ничего не угрожало ночлегу.

² Мездра – остатки жира, мышечной и соединительной тканей на внутренней стороне шкуры животного.

³ Люди каменного века, в течение длительного периода жившие в пещерах, со временем научились строить различного рода жилища, начиная с шалашей из веток и травы, простейших землянок, когда устраивалась только кровля над подходящим естественным углублением в земле. Постепенно жилища усложнялись и совершенствовались. В их конструкциях люди стали широко использовать камни, глину для скрепления камней, стволы деревьев, а позже и доски после того как научились их делать, раскалывая брёвна клиньями.

...Рудый возвращался с удачной охоты. На его плече, поматывая под мерный шаг охотника рогатой головкой, лежала добыча – тушка косули. Подойдя к своей землянке, Рудый снял с плеча и передал косулю Рыжухе, на светло-румяном лице которой, выделялись белые, будто выгоревшие на солнце, брови с ресницами. Злобно ощерясь, Рудый снял-стацил с себя кожаную рубаху-малицу, оголив кровоточащие полосы на руках, спине и бугристом животе и присел на лежащее рядом с землянкой бревно, подставив, к своему удовольствию, саднящее, израненное тело под освежающие воздушные струи, хоть и веяло уж предосенним холодком.

– Всё, Рыжуха, терпежу моему конец пришел! Невмочь мне боле надевать сию малицу! – промолвил одним духом Рудый и далее уж, по манере своей, произнёс вразяжку, – иль она меня до конца умучит, иль я с ней учинить чего-то должен.

– Жалко мне тя, братец! У меня-то кожа тож саднит, хоша до крови дело не доходит. Не разумею токмо, как же ты малицу умягчишь, ведь в рот не положишь, зубами кожу не пожуёшь, не разнежишь.

– А я её руками спробую умять-приручить. Токмо допреж, сестра, распори-ка малицу по швам, потом уж наново сошьёшь. а шило доброе, с чёрного камня, я наемдни у Кривоглаза на кунью шкурку выменял. Да ты, поди, давеча видела ново шило то.⁴

– Видала. Ладно, давай малицу, а сам-то поешь, да отдохни.

Пока брат ел запечённое сестрой мясо, заедая его зелёными перьями лугового лука, росшего тут и там по всей округе, Рыжуха принялась распарывать малицу ножом с коротким, острым, удобным для порки лезвием.

Подкрепившись, Рудый влез в землянку и, ожидая завершения сестриного занятия, растянулся на подстилке из душистого, загодя наготовленного сена и, поддавшись блаженной истоме, тут же уснул, сопя, всхрапывая и, как малое дитя, пуская между выпяченных губ пузырчатые слюни.

Спал, однако, не долго. Проснулся рыжеволосый детинушка, вылез из землянки обратно на свет божий, а Рыжуха уж куски кожи, бывшие ещё недавно малицей, отдаёт: «Ну, вот, на. Делай теперь, чо удумал!» Что ж, взял Рудый кожаные куски, сел верхом на бревно – на то самое и давай приручать один кусок за другим. И как только ни мучил их, вроде как в отместку: мял, скручивал то в одну, то в другую сторону, свивал-развивал вдоль и поперёк. Пот прошиб

⁴ К началу эпохи позднего каменного века (неолита), когда, как считается, были изобретены прядение и ткачество, человек в течение многих тысячелетий придумал и довёл до совершенства доступные ему по тем временам технологии выделки шкур и кожи, из которых изготавливалась разнообразная одежда, остававшаяся, практически, ничем незаменимой вплоть до появления тканей. Для зимней одежды, выделывалась шкура, и на ней оставался мех, для летней – мех перед выделкой срезался ножами. Срезанный мех, в этом случае, называли шерстью и за ненужностью выбрасывали. Сам же процесс изготовления одежды осуществлялся методом ШИТЬЯ с использованием ШИЛА. Кстати, интересно заметить, что отглагольное существительное ШИЛО, означающее и в современном русском языке простейший инструмент, предназначенный для прокалывания отверстий, ассоциируется не со швейным делом, где требуется игла, а с обувным ремеслом, точнее с ручной починкой обуви, где зачастую, без шила ещё не обойтись. Из последнего замечания, логично сделать следующие любопытные выводы: слова «шило» и «шить» в русском языке появились задолго до неолита, русский язык, вполне вероятно, по возрасту – один из древнейших языков на планете. Как же шили наши далёкие предки? Ответ на этот вопрос представляется очевидным. Прежде, чем приступить к шитью, надо было позаботиться о достаточном количестве шовного материала, в качестве которого, в отсутствии ниток, служили: либо подходящие жилы (сухожилия), специально для этого, особым способом подготовленные, либо узкие и как можно более длинные нарезанные из мягкой кожи полоски-шнурки. Заготовив же запас жил и шнурков, можно было начинать и сам пошив. Для чего древний швец брал в руки, разумеется, заранее выкроенные из выделанной кожи или шкуры, детали, складывал-соединял их определённым образом, прокалывал шилом три-четыре отверстия, протягивал через них жилку, либо кожаный шнурок, стягивал в этом месте сшиваемые детали кроя, затем, дальше по шву снова прокалывал отверстия и всё повторялось, пока эти детали не оказывались полностью сшитыми. Соединение деталей кроя, при этом, могло быть двух типов: с плоским швом, когда края деталей просто накладывались друг на друга с небольшим нахлёстом или швом-складкой, когда края подгибались и сшивались, образуя как бы складку, обращенную наружу. Именно шов-складку было накладывать проще, потому, скорее всего, его и использовали швцы каменного века везде, кроме тех мест одежды, где предпочтительней оказывался плоский шов. Последнее, о чём, пожалуй, стоит упомянуть, это то, что именно модельерами и конструкторами одежды каменного века, скорее всего, была придумана ШНУРОВКА, как способ подвижного соединения деталей одежды.

уж кожемяку, а он всё не унимается. Вдруг замер, поискал глазами сестру, будто спросить чего хотел, а той уж и след простыл – хлопот-забот то у неё кабы не побольше, чем у брата.

Сидит Рудый на бревне. В задумчивости мятые маличные кожаные куски на ощупь проверяет, хмурится в недовольстве – нет нужной мягкости-то. «Как Рыжуха-то давеча сказывала, – мысленно спросил он себя и, вспомнив слова сестры, произнёс их вслух, – малицу в рот не положишь, зубами не пожжёшь, не разнежишь». И дальше, уж опять молча, продолжил рассужденье: «А, ведь, должно быть, права сестрица – не умягчить, не разнежить, как желатно кожу посуху. Во рту-то зубам слюна дюжая помощница. Вот, стало быть, и надобно чередовать мятьё с моченьем, а моченье с мятьём».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.